

RU

Метафорические концепты КОЛЕСНЫЙ МЕХАНИЗМ, ИГРА, ТЕАТР как средство реализации эмотивности в немецких газетно-публицистических текстах на правовую тематику

Скотникова Т. А.

Аннотация. В статье рассматривается проблема достижения понимания в ходе коммуникации между специалистами и неспециалистами на примере немецкоязычных газетно-публицистических текстов на правовую тематику. Цель исследования - описать метафоризацию юридической лексики в немецкоязычных публицистических текстах на правовую тематику как средство популяризации предметно-специального языка права в общественно-политическом немецкоязычном дискурсе, способствующее эффективной правовой коммуникации. Научная новизна исследования заключается в использовании когнитивно-дискурсивного анализа метафор как средства реализации категории эмотивности на материале современного немецкого языка. В результате доказано, что для обеспечения правильного толкования правовых ситуаций авторы используют метафоры как средство эмоционализации содержания вопросов из области права, что способствует адекватному восприятию реципиентом текстов на узкоспециальные темы.

EN

Metaphorical Concepts WHEEL MECHANISM, GAME, THEATRE as a Means of Emotivity Category Realization in German Publicistic Texts of Juridical Subject Area

Skotnikova T. A.

Abstract. The article examines the problem of establishing efficient communication between specialists and non-specialists by the example of the German-language publicistic texts of juridical subject area. The research objective includes analyzing the process of juridical vocabulary metaphORIZATION in German-language publicistic texts of juridical subject area. MetaphORIZATION is considered as a means to popularize professional juridical language in German social-political discourse, which promotes efficient legal communication. Scientific originality of the study involves cognitive -discursive analysis of metaphors as a means of emotivity category realization in the modern German language. The following conclusions are justified: journalists use metaphors to ensure adequate understanding of legal situations and to emotionalize legal issues, which promotes recipient's adequate perception of highly specialized texts.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена значением метафоры не только в языке, но в мыслях и действиях. В одной из своих работ Р. Хоффман (Hoffman, 1987) утверждал: «Метафора может быть применена в качестве орудия описания и объяснения в любой сфере: в психотерапевтических беседах и в разговорах между пилотами авиалиний, в ритуальных танцах и в языке программирования, в художественном воспитании и в квантовой механике. Метафора, где бы она нам ни встретилась, всегда обогащает понимание человеческих действий, знаний и языка» (с. 152). Человеку свойственно понимать некоторые явления с точки зрения культуры или концептов, сформированных под действием культуры. В результате проведенного исследования установлено, что использование метафоры помогает прояснить анализ узкоспециальных вопросов юридическо-правового характера, освещаемых в статьях на международно-правовую тематику. Об этом также пишут А. Н. Баранов и Ю. Н. Караулов: «С когнитивной точки зрения процессы метафоризации – это операции над знаниями, часто приводящие к изменению онтологического статуса знания (неизвестное становится известным, а известное совершенно новым и т.п.)» (Баранов, 1991, с. 21).

Материалом исследования послужили статьи из авторитетного и часто цитируемого немецкого издания массовой коммуникации «Дер Шпигель», посвященные различным вопросам правового характера. Основное требование, предъявляемое к языку права, которым оперируют авторы статей подобного рода, заключается в доступности простому гражданину, не обладающему специальными знаниями в данной области и не владеющему правовой терминологией.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, сформировать корпус метафор; во-вторых, произвести их систематизацию и классификацию; в-третьих, исследовать прагматический потенциал метафор.

Для установления эмотивных тем в статье применяются следующие методы исследования: целостно-текстовый и контекстуальный анализ. Необходимость рассмотрения функционально-стилистических особенностей текстовой эмотивности потребовала привлечения функционально-стилистического анализа.

Последние десятилетия отмечены ростом интереса лингвистов к изучению метафор, о чем свидетельствуют многочисленные современные публикации на эту тему, послужившие теоретической базой исследования (Баранов, 1991; Hoffman, 1987; Матвеева, 2010; Ахманова, 2004; Лакофф, Джонсон, 2004; Веряева, 2007; Арутюнова, 1990; Телия, 1988).

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования результатов в процессе обучения немецкому языку как с лингвистической точки зрения, так и для глубокого ознакомления с особенностями предметно-специального языка права.

Основная часть

Источниками метафоризации обычно становятся обозначения реалий, которые особенно актуальны для общества, хорошо известны людям и вызывают их повышенный интерес. Метафора рассматривается как выразительное средство, переносящее свойства одного предмета на другой, при этом создавая фигуральность. В когнитивной лингвистике метафора рассматривается как объединение концептов или связь между языком и мышлением.

Лингвисты рассматривают вопрос, является ли метафора стилистическим средством или категорией мысли. Мы переносим наш предыдущий опыт и знания, сопоставляя в своём сознании схожие явления и процессы, что приводит к образованию концепта, т.е. осуществляется метафорический перенос на основе сходства сопоставляемых явлений (Матвеева, 2010, с. 206), на основании сходства, аналогии (Ахманова, 2004, с. 231). По мнению Н. Д. Арутюновой (1990), метафора служит тем орудием мысли, при помощи которого нам удается достигнуть самых отдаленных участков нашего концептуального поля. Д. Лакофф и М. Джонсон утверждают, что метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Современная лингвистика считает метафору не тропом, украшающим речь и делающим образ понятнее, а формой мышления или формой концептуализации реальности, т.е. метафора несет в себе определенные понятия. Концепты, метафоры контролируют наше мышление, оказывая влияние на наши повседневные действия, эмоции, ощущения, мысли и идеи. Концепты управляют нашей мыслительной деятельностью, создавая определенное отношение к окружающим нас людям и предметам. Тем самым наша концептуальная система играет центральную роль в определении реалий повседневной жизни (Лакофф, Джонсон, 2004, с. 25). Именно метафора делает абстрактное легче воспринимаемым и понимаемым (основной путь метафорического переноса от конкретного к абстрактному, от материального к духовному). По мнению В. Н. Телии (1988), метафора успешно выполняет роль призм, через которую человек видит мир, ибо метафоры проявляются национально-специфичным образом во внешних функциях языка, а также в мифологемах, архетипах и т.д. «Метафорическое использование языковых конструкций позволяет мысленно разорвать жесткую связь конкретного свойства и конкретного объекта, считать данное свойство общим для разнотипных объектов, на этой основе строить более широкие классы понятий, объединять их в единую систему» (Веряева, 2007, с. 159). С помощью метафоры, примененной автором статьи в отношении событий и явлений из области международного права, читатели осмысливают, проводят параллели и аналогии, что помогает им оценивать правовую информацию. Поэтому можно утверждать, что метафоры – это результат эмоционально-экспрессивного переосмысления объектов, а также следствие творческого подхода к языковым единицам.

Среди когнитивных образов, используемых в немецкоязычных публицистических текстах на правовую тематику для оценки правовых действий представителей судебных органов, особое место занимают метафоры, конституирующие в совокупности **концепт сражения, поля битвы**. Высокий эмотивно-оценочный потенциал данной метафорической модели достигается за счет основных и дополнительных периферийных связей, как, например, «доказательства – орудия в руках противников», «судебный процесс – военная кампания», «аргументативная база – укрепление позиций», «прения сторон в суде – хаос, взрывающий процесс». Данные примеры метафорических моделей использованы автором статьи под названием «Кампания адвокатов» (Mittelstaedt, 2009) как средство привлечения внимания мировой читательской общественности к геноциду, пыткам, военным преступлениям и преступлениям против человечества, совершенным израильской армией во время войны в Секторе Газа. Согласно решению ООН, для рассмотрения и расследования исков о нарушении прав человека и норм международного права создана международная комиссия, включающая десятки юристов со всего мира.

Dort lagern Granatsplitter, verbogene Raketenkörper, klobige Panzergeschosshülsen. Jeden Tag kommt neues Material dazu, Kisten bedecken den Boden, stapeln sich an den Wänden. Für Alami sind die Trümmer Beweise für Kriegsverbrechen der israelischen Armee, *stumpfe Waffen, die in seiner Hand wieder scharf werden* (Mittelstaedt, 2009). / Там хранятся осколки гранат, гнутые корпуса ракет, бесформенные танковые гильзы. Каждый день поступает новый материал, ящики закрывают пол, возвышаются горами вдоль стен. Для Алами обломки являются доказательствами военных преступлений израильской армии, *немые орудия, которые заговорят в его руках* (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – Т. С.).

Следующий пример из статьи о дискуссионном рассмотрении Генеральной Ассамблеей ООН вопроса снятия с долины реки Эльбы статуса объекта всемирного культурного наследия в связи со строительством моста показывает применение метафорического концепта СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС – ВОЕННАЯ КАМПАНИЯ, АРГУМЕНТАТИВНАЯ БАЗА – УКРЕПЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ:

Im Streit um den Bau der Waldschlösschenbrücke und die drohende Aberkennung des Welterbe-Status des Elbtals *verhärten sich die Fronten*. Gegen den erklärten Willen des Stadtrats, der beschlossen hatte, den Bau der Brücke zu verschieben, hatte das Regierungspräsidium die Vergabe von Bauleistungen angeordnet und dem Stadtrat dafür ein Ultimatum bis zum 24. August gesetzt (Tandel, Peduto, 2006). / В ходе дискуссии о строительстве моста при лесном замке и угрозе снятия с долины Эльбы статуса объекта культурного наследия разногласие нарастает. Вопреки воле Городского Совета, решившего отложить строительство моста, президиум правительства постановил подготовить договор субподряда на выполнение строительных работ и выдвинул Городскому Совету ультиматум до 24 августа.

Судебный процесс по делу нацистских преступников в Нюрнберге освещается автором статьи «Всемирный суд» с применением следующей метафоры:

Bei der Frage, wer in diesem perfekt verkabelten Gerichtssaal schließlich auf der Anklagebank sitzen sollte, bahnte sich im letzten Augenblick *ein Chaos* an, das den Prozess zu *sprengen* drohte (Darnstädt, 2009). / В вопросе о том, кто должен сидеть на скамье подсудимых в зале судебного заседания с идеальным кабельным соединением, в последний момент наметился хаос, который *грозил взорвать* процесс.

В рассмотренных выше примерах авторы газетно-публицистических текстов, посвященных различным вопросам из области международного права, используют метафоры как мощное средство вербализации специальных понятий, а также выражения отношения и оценок описываемых явлений.

В международно-правовом медиадискурсе достаточно часто используется **концептуальный образ СЛОЖНЫЙ МЕХАНИЗМ НА КОЛЕСАХ**. Так, создаваемый метафорический образ колесного механизма в следующем примере символизирует международное сообщество в лице ООН:

Die UNO-Diplomatie ist *eines der komplexesten je von Menschen erdachten Räderwerke*. Auch ein harmloses Anliegen, wie jenes, gegen Rassismus zu sein, erfordert diplomatische Kunstfertigkeit in hohem Maße, denn die Welt hat sich verändert (Smoltczyk, 2009). / Дипломатия ООН является одним из сложнейших, когда-либо созданных человеком *колесных механизмов*. Даже безобидное положение дел, как это было в случае с выражением антирасистских взглядов, требует наличия высокого уровня владения дипломатическим искусством, поскольку мир изменился.

В другом примере образ колесного механизма является метафорическим выражением военной мощи Израиля, подминающей под себя человеческие жизни и принципы международного права:

Auch wenn man israelische Angaben von etwa 700 palästinensischen Toten zugrunde legt, bleibt eine grundsätzliche Frage: Kann ein Krieg, der mit einem dermaßen überwältigenden Blutopfer einer Seite endet, Kriegsvölkerrecht gedeckt sein? *Nicht nur die Menschen im Gaza-Streifen, auch das herkömmliche Kriegsvölkerrecht*, so scheint es, sind von der gewaltigen israelischen Übermacht *überrollt* worden (Darnstädt, Schult, 2009). / Даже основываясь на израильских данных о 700 палестинских убитых, основополагающим остается вопрос, может ли война, заканчивающаяся преобладанием жертв с одной стороны, покрываться международно-правовыми нормами ведения военных действий? Кажется, израильское могущество *уничтожило* не только людей в Секторе Газа, но и традиционное международное гуманитарное право.

Примечательно, что концептуальный образ колесного механизма служит иллюстрацией процесса постепенной фразеологизации наиболее часто используемых метафор и метафорических моделей для экспликации прагматической установки. В приведенном выше примере эмотивно-оценочное метафорическое сочетание двух когнитивных систем «ООН – сложный механизм» вследствие частого использования в описании деятельности государственной и судебной власти становится фразеологизмом “ins Räderwerk der Justiz geraten” (попасть под колеса судебной машины).

Концепт ИГРА в статьях на международно-правовую тематику обусловлен многоплановостью образуемых за счет исходного образа семантических связей, развертывающихся в зависимости от контекстуального/ситуативного окружения. Формируемая структура теснейшим образом связана с пресуппозиционными знаниями об игре, эксплицирующими такие коннотации, свойственные данной лексической единице, как азарт, увлеченность, состязательность, запальчивость, пыл, задор, удача, победа. Метафорическая аналогия, имплицитно проводимая между судебным процессом и игрой, актуализирует такие ассоциативные моменты, как прогнозирование результатов игры, в соответствии с которыми делаются ставки по осуществлению беспроектных ходов козырной картой.

Следующий пример требует пояснения. Речь идет о волне судебных исков против немецкого правительства с требованием выплаты компенсационного возмещения сотням тысяч каторжников, принудительных рабочих

и других жертв фашизма со всего мира. В соответствии с нормами международного права о государственном иммунитете, гарантирующем немецкому руководству своего рода «неприкосновенность», Германии пока удавалось избежать массовых исков подобного рода. Однако итальянский кассационный суд вынес прецедентное решение о правомерности подачи отдельными гражданами Италии судебных исков против Германии как государства. Главным аргументом судей стала депортация людей нацистами как особо тяжкое преступление против человечности. Непредсказуемость последствий данного решения влечет за собой разнородные прогнозы дальнейшего развития событий. За Федеральным правительством остается право оспорить решения итальянского суда в Международном суде в Гааге. В этом случае, пророчат эксперты, у Германии есть шансы выиграть дело.

Für Bothe ist es keinesfalls ausgemacht“, dass die IGH-Richter in diesem Fall immer noch der klassischen Auffassung zuneigen und damit Deutschland recht geben: Aus seiner Sicht stehen *die Chancen „50 zu 50“*; Khan hält die deutschen Erfolgsaussichten für deutlich besser: „Deutschland steht, was die Rechtslage anbelangt, immer noch auf relativ sicherem Grund“ (Ertel, Hipp, Smoltczyk, 2008). / Для Боте еще не решено окончательно, что судьи в Гааге в этом деле будут склоняться к классической позиции и признают правоту Германии. По его мнению, *шансы распределены поровну, 50 на 50*. Хан оценивает перспективы на успех немецкой стороны значительно выше: «Что касается правового положения, позиции Германии довольно прочные».

Суд как азартная игра обещает либо проигрыш, либо выигрыш. Чтобы выйти из этой игры победителем, каждая из сторон пускает в ход все доступные легитимные средства. При этом нередко идея победы над противником, азартное желание выигрыша заслоняют правовую сторону дела. В данном примере речь идет о теории заговора и ответственности за развязывание агрессии, которая легла в основу Устава Международного Военного Трибунала в Нюрнберге.

“Verschwörung“ war der Terminus, mit dem die US-Juristen in Nürnberg *auftrumpfen* wollten (Darnstädt, 2009). / «Заговор» – это термин, которым американские юристы хотели *kozyрнуть* в Нюрнберге.

Среди наиболее часто употребляемых метафорических моделей в особую группу следует выделить **метафорические концепты ТЕАТР, ШОУ**, функционирование которых характеризуется многообразными и сложными взаимосвязями, определяющими некоторые семантические особенности: зрелищность, неоднородность зрительской публики со своими предпочтениями и интересами, сложные взаимоотношения между участниками шоу. Также данная метафорическая модель эксплицируется за счет таких ассоциативных моментов, как фальшивость, неискренность, лицемерие, двуличность, с другой стороны, т.е. тех характерологических признаков, которые косвенно приписываются людям актерской профессии и воспринимаются негативно. Взаимодействие данной модели со сферой приложения (международное право) приводит к образованию нового смыслового пространства, идеи абсолютной бесполезности происходящего.

Es wird kein „*Observatorium gegen Rassismus*“ geben, wie es sich die Präsidentin Navi Pillay erhofft hatte. Und erstmals ist die EU bei einer Uno Konferenz zu keiner einheitlichen Haltung gekommen. Der sich nun leerende Nationen-Palast ähnelt *einem Theater*. Und vielleicht ist er das auch. *Eine Bühne, auf der, jede Spielzeit neu, ein Stück aufgeführt wird mit dem Titel „Weltgemeinschaft“*. *Manchen ist es zu teuer, anderen zu inhaltsleer, manche mögen die Akteure nicht, andere wollen ihr Abo kündigen. So ergeht es allen Bühnen. Es wäre schade, wenn es keine gäbe, samt ihren Skandalen und den Clowns, die mit ihren Nasen werfen* (Smoltczyk, 2009). / «*Обсерватории против расизма*» не будет, как надеялась Нави Пиллай. Впервые Совет Европы не выработал в ходе конференции единой позиции. Пустеющий Дворец наций похож на *театр*. *Возможно, он и является таковым. Сцена, на которой в каждый сезон разыгрывается новая пьеса под названием «мировое сообщество». Для одних – дорогое представление, для других – бессодержательное, некоторым не нравятся актеры, другие хотят отказаться от абонемента. Все то, что происходит на всех сценах. Было бы жаль, если бы не было этой сцены с ее скандалами и клоунами-задирами*.

Die Antirassismus-Konferenz war ein *Polit-Spektakel*, überschattet vom Boykott. Und dennoch ist es gut, dass es sie gibt (Darnstädt, Schult, 2009). / Антирасистская конференция была *политическим зрелищем*. И тем не менее хорошо, что она существует.

Etwas haben Araber, Israelis, Europier und die USA gemeinsam. Sie wollen nicht über uns reden, die Nachkommen der Sklaven. Deswegen *der Zirkus* um Ahmadinedschad (Darnstädt, Schult, 2009). / Арабы, израильтяне, европейцы и США имеют что-то общее. Они не хотят говорить о нас, потомках рабов. Отсюда *цирк* вокруг Ахмадинежада.

В приведенных выше примерах автор статьи эмоционально выражает свою позицию в отношении международного скандала, произошедшего в 2009 году в Женеве на конференции ООН против расизма. Начало конфликта было положено на предыдущей конференции в 2001 году в Дурбане, когда президент Ирана Махмуд Ахмадинежад и ряд представителей арабских стран использовали форум как площадку для антисемитских выпадов и антиизраильской пропаганды. Подводя итоги борьбы с этнической несправедливостью спустя 8 лет, делегаты от 30 государств покинули зал во время выступления Ахмадинежада после того, как он назвал Израиль «расистским режимом».

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать выводы о некоторых особенностях функционирования метафор и их роли в соблюдении требования доступности языка в текстах публицистики на правовую тематику. Ярко выраженное авторское начало как одна из важных стиливых черт проблемной статьи, репортажа, комментария (в статье использованы примеры именно таких жанров) служит цели вовлечения

читателей в суть проблемы, обсуждаемой в статье: разделить с автором те оценки и чувства, которые воспроизведены в тексте. Выбранные автором концептуальные объекты (театр, цирк, клоуны, актеры) как мощное средство формирования и поддержания читательского интереса успешно решают поставленные задачи. Внимание читателей сфокусировано на факте неожиданной смены состава участников конференции, вызвавшей большой резонанс в мировой общественности.

Использование среды, составляющей сферу интересов адресата, в качестве источника метафорических концептов обусловлено тем, что актуализируемые образы-стереотипы являются наиболее доступными для понимания и однозначной их интерпретации. Учитывая этот факт, события из жизни мировой общественности подаются с позиций интересов отдельного человека, приближаются к субъективному опыту адресатов. В этом отношении использование эмотем, представленных метафорическими концептами, в качестве компонента содержания публикаций на правовую тематику является мощным средством формирования и поддержания читательского интереса.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в изучении метафор и метафорических моделей других концептов, а также таких средств эмоционализации правового дискурса, как прецедентные феномены, экспрессивный синтаксис и другие стилистические приемы создания эмотивного содержания публицистических текстов.

Источники | References

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: сборник / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2004. 576 с.
3. Баранов А. Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю. М., 1991.
4. Веряева Ю. А. Метафоризация как инструмент обеспечения личностно ориентированного образования // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 299.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М.: Наука, 2004.
6. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010.
7. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Гак В. Г., Телия В. Н., Вольф Е. М., Опарина Е. О., Черданцева Т. З., Лезметс Х. Д., Шахнарович А. М., Юрьева Н. М., Гусев С. С., Лапина Э. А., Кожевникова Н. А., Петров В. В. Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988.
8. Darnstädt T. Das Weltgericht. 2009. URL: <https://www.spiegel.de/politik/das-weltgericht-a-83fecbe5-0002-0001-0000-000049214563>
9. Darnstädt T., Schult C. Unmenschliche Rechnung. 2009. URL: <https://www.spiegel.de/politik/unmenschliche-rechnung-a-c7e1b5b4-0002-0001-0000-000063806939>
10. Ertel M., Hipp D., Smolczyk A. Das Erbe von Lager Nummer 7a. 2008. URL: <https://www.spiegel.de/politik/das-erbe-von-lager-nummer-7-a-12173f06-0002-0001-0000-000057359755>
11. Hoffman R. R. What could reaction-time studies be telling us about metaphor comprehension? // Metaphor and Symbolic Activity: West Publishing Company, 1987.
12. Mittelstaedt J. von. Feldzug der Anwälte. 2009. URL: <https://www.spiegel.de/politik/feldzug-der-anwaelte-a-4a0a407e-0002-0001-0000-00006556332>
13. Smolczyk A. Es muss schmerzen. 2009. URL: <https://www.spiegel.de/politik/es-muss-schmerzen-a-ad3d0536-0002-0001-0000-000065169772>
14. Tandel J., Peduto A. Weltkulturerbe. Dresdener Brückenstreit verschärft sich. 2006. URL: <https://www.spiegel.de/kultur/gesellschaft/weltkulturerbe-dresdner-brueckenstreit-verschaerft-sich-a-431864.html>

Информация об авторах | Author information

Скотникова Татьяна Андреевна¹

¹ Московский государственный лингвистический университет

Skotnikova Tatyana Andreevna¹

¹ Moscow State Linguistic University

¹ tati2137@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 06.10.2021; опубликовано (published): 28.12.2021.

Ключевые слова (keywords): метафора; метафорический концепт; метафорическая модель; эмотема; правовой медиадискурс; metaphor; metaphorical concept; metaphorical model; emotheme; legal media discourse.